Тирацян, Г. А. (1969) К вопросу о торевтике и ювелирном деле Армении в ахеменидское время. Պատմա-
անաս ա ան հան ես, № 1 . pp. 87-106.

К ВОПРОСУ О ТОРЕВТИКЕ И ЮВЕЛИРНОМ ДЕЛЕ АРМЕНИИ В АХЕМЕНИДСКОЕ ВРЕМЯ

Г. А. ТИРАЦЯН

Найденные на территории Армении и датируемые в основном V—IV вв. до н. э. произведения торевтики и ювелирного ремесла образуют интересную коллекцию, состоящую из серебряных и бронзовых предметов утвари главным образом культового назначения (ритоны, фиалы, ручки амфоровидных сосудов, кубки и т. д.) и золотых предметов украшения (пектораль гривна).

Изучение предметов торевтики мы начнем с ритонов, сосудов, напоминающих по своей форме рог, заканчивающийся протомой, т. е. передней половиной тела животного.

Серебряный ритон, частично позолоченный, найденный в Ерзнкяне (Западная Армения) и хранящийся в Британском музее, состоит из двух отдельных частей—кубкообразного, вертикального рога и протомы грифона, прикрепленной к нему (общая высота 25 см[1] (табл. I, 1). Рог покрыт горизонтальными канелюрами. Скульптурное изображение грифона, которым заканчивается ритон в его нижней передней части, имеет тело и передние ноги льва, а голову рогатого орла.

Из простого перечня памятников ахеменидского искусства с изображением грифа и орлиного грифона можно несколько представить степень распространенности данного мотива. В первую очередь следует упомянуть ряд произведений монументального искусства на персепольской террасе—огромные капители, состоящие из двух протом грифонов[2], рельефы на стенах персепольских зданий, изображающие борьбу царя или героя с орлом-грифоном[3], акинаки, на ножнах которых представлены грифоны[4], разнообразные произведения торевтики и ювелирного искусства—вазы с ручками, гривны и браслеты с концами, украшенными скульптурами грифонов[5]. Среди предметов, найденных на персеполь-

[1] O. M. Dalton, The treasure of the Oxus, III ed. London, 1964, табл. XXII, 178, стр. 42–43.

[2] Aziz Hatimi, Persepolis, Pasargadae and Naksh-i-Rustem, Teheran, 1960, стр. 38; R. Ghirshman, Perse, Proto-iraniens, Mèdes, Achéménides, Paris, 1963, рис. 267; J. L. Huot, Iran, I (Archeologia Mundi), Genève, 1965, табл. 21, 23.

[3] E. Schmidt, Persepolis, I, Chicago, 1953, табл. 114; R. Ghirshman, указ. соч., рис. 250—251; O. M. Dalton, указ. соч., стр. 43.

[4] E. Schmidt, указ. соч., табл. 120; R. Ghirshman, указ. соч., рис. 289.

[5] E. Schmidt, указ. соч., табл. 29B, 32B; P. Amandry, Toreutique achéménide, Antike Kunst, 2, Heft 2, 1959, табл. 20, 1; R. Ghirshman, указ. соч., рис. 220, 225.

ской террасе, следует упомянуть бронзовую обкладку с изображением грифона[6].

Остальные аналогии рассматриваемого ритона, помимо каменной плиты с изображением шагающего грифона, приобретенной в Сирии и хранящейся сейчас в Лувре[7], охватывают произведения прикладного искусства: печати из Ура[8], золотые браслеты из Аму-Дарьинского клада, оканчивающиеся скульптурными изображениями крылатых, рогатых грифонов[9], золотые бляхи из Хамадана в виде голов рогатого грифона[10] и голова грифа из стеклянной разноцветной пасты[11].

Стилистическая связь, наблюдаемая между рассматриваемым ритоном и упомянутыми памятниками, главным образом сравнительно хорошо датируемым произведением монументального искусства ахеменидского времени, представляется особенно важной.

Почти все эти изображения объединены едиными стилистическими чертами, нашедшими свое выражение в массивном, выдающемся вперед клюве, шарообразных выпуклых глазах, обведенных рельефными веками, бровях в виде широкой дугообразной изогнутой полосы, гриве в виде продолговатого гребнеобразного выступа, в характерной системе складок и морщин. Все эти особенности встречаются на грифоне Ерзнкянского ритона.

Ряд других деталей ритона также находит себе подтверждение как в предметах прикладного искусства ахеменидского времени, так и в других произведениях.

Канелирование рога, имеющее древневосточное происхождение[12], встречается довольно часто на предметах ювелирного искусства (браслеты, гривны, бляхи, пластинки)[13], статуэтках и протомах животных[14], печатях[15], рельефах[16], на стенах Сузского дворца[17].

Горизонтальные канелюры на кубке также являются очень распространенным украшением стенок сосудов, имеющим довольно древние

---

[6] E. Schmidt, Persepolis, II, Chicago, 1957, табл. 39, № 2.

[7] M. Dieulafoy, L'acropole de Suse, Paris, 1893, т. III—IV, рис. 198; O. M. Dalton, указ. соч., стр. 43, рис. 5.

[8] L. Legrain. Seal cylinders, New York, 1951 (Ur Excavations, X), табл. 39. № 724, 726, табл. 40, № 755, табл. 42, № 803, 805, 806).

[9] O. M. Dalton, указ. соч., табл. I. 116.

[10] H. Kantor, Achaemenid Jewellry in the Oriental institute „Journal of the Near Eastern Studies", 1957, XVI, N1, табл. IV, VI C, рис. 5B.

[11] „A Survey of Persian art", London, New York, 1938, т. IV, табл. 76.

[12] A. Parrot, Assur, Paris, 1961, рис. 58, 73.

[13] O. M. Dalton, указ. соч., табл. 1, 116, XVIII, 131; P. Amandry, Orfèvrerie achéménide, Antike Kunst, t. I, Heft 1, 1958, табл. 8, 6; 10, 12, 18; 12, 26—30; С. И. Руденко, Искусство Алтая и Передней Азии, М., 1961, табл. XVII, 1; H. Kantor, указ. соч., табл. IV, VIC; R. Ghirshman, указ. соч., рис. 327.

[14] P. Amandry, Toreutique, Pl. 29, 5; его же, The Illustrated London News, May 23, 1959, рис. 1—7.

[15] H. Kantor, указ. соч., рис. 5B.

[16] O. M. Dalton, указ. соч., рис. 5.

[17] R. Ghirshman, указ. соч., рис. 191.

истоки, преследовавшим, быть может, и технические цели по укреплению стенок. Лушей составил подробный список сосудов ахеменидского времени, украшенных горизонтальными канелюрами[18]. Этот список можно увеличить рядом новых примеров[19].

Фриз из чередующихся трех элементов под венчиком кубка (цветок и бутон лотоса, пальметка) находит аналогию на памятниках ассирийского времени, на рельефе из Калаха, изображающем Ассурнасирпала II[20].

Наконец, значки на передних ногах в виде узкой подковки с заостренными концами, передающие условно мышцы передней ноги, генетически связанные с изобразительными приемами переднеазиатского искусства[21], засвидетельствованы в большом количестве на памятниках ахеменидского времени[22].

Как мы видели, сходство между Ерзнкянским ритоном и памятниками ахеменидского времени проявляется как в общем облике ритона, так и в его деталях, часто служащих одним из критериев при датировке, хотя в общем эти детали имеют очень длинную историю и встречаются в искусстве Передней Азии с древнейших времен.

Стилистические связи в первую очередь с персепольскими памятниками позволяют отнести ритон к произведениям V в. до н. э.[23] Некоторая его декоративность, менее строгий стиль по сравнению со сходными предметами первой половины V в., какими являются Семибратный ритон или Дуванлийская амфора, побуждают исследователей датировать ритон второй половиной V в. до н. э.[24]

В Луврском музее под № АО 3115 хранится бронзовый ритон, найденный в Армении[25]. Он состоит из двух частей. Переднее окончание в виде протомы козерога вместе с нижней частью гладкого рога-кубка прикреплено к его средней и верхней части. Козерог изображен с боль-

[18] H. Luschey, Die Phiale, Bleicherode am Harz, 1939, стр. 111, прим. 632; B. Swoboda, Zur Geschichte des Rhytons; B. Swoboda, D. Concev, Neue Denkmaler antiker Toreutik, Praha, 1956, стр. 48, прим. 153.

[19] R. Ghirshman, указ. соч., рис. 304, 305.

[20] H. Schafer, W. Andrae, Die Kunst des alten Orients, III изд., 1942, табл. 543; P. Amandry, Toreutique, стр. 49; O. M. Dalton, указ. соч., стр. 43.

[21] См. примеры из ассирийского и урартского искусства: A. Parrot, Assur, рис. 33, 43, 55, 71, 78, 89, 110, 342; Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, Л., 1962, рис. 11, 20, 24, 40, табл. II, VIII, XXIV—XXV.

[22] A. Godard, L'art de l'Iran, Paris, 1962, табл. 47, 61, 67; R. Ghirshman, указ. соч., рис. 221, 244, 286.

[23] O. M. Dalton, указ. соч., стр. 42.

[24] P. Amandry, Toreutique, стр. 49; K. Tuchelt, Tiergefässe (Istambuler Forschungen, Bd. 22), Berlin, 1962, стр. 85.

[25] G. Migeon, Les accroissements des Musées (Musée du Louvre). Les Arts, № 1, 1902, стр. 17—18; G. Contenau, Manuel d'archéologie orientale, t. III, Paris, 1931, рис. 879; B. Swoboda, указ. соч., стр. 46, табл. VI, B; O. M. Dalton, указ. соч., стр. 43. Об этом предмете говорится, что он приобретен в Багдаде (ср.: K. Tuchelt, указ. соч., стр. 83). На изданной недавно Луврским музеем фотокарточке с изображением данного ритона местом находки снова указывается Армения.

шими рогами и подогнутыми передними ногами. Изображение козерога является одним из излюбленных мотивов ахеменидского искусства, перенятого из древней Передней Азии, где оно встречается со времен шумерийцев и эламитян и даже ранее. Особенно богато представлен козерог в искусстве древнего Ирана доахеменидского времени. Козерог ахеменидского времени с такими же характерными изогнутыми рогами встречается на рельефах Персеполя[26]. Но чаще всего засвидетельствованы козероги и другие животные из семейства коз в прикладном искусстве ахеменидского времени на ритонах, амфоровидных сосудах (ручки), браслетах и гривнах (окончания), печатях и золотых бляхах, а также в виде отдельных протом и статуэток[27].

Хотя многие из приведенных примеров выявляют типологическое, иконографическое сходство со статуэткой козерога на ритоне, трудно обнаружить между ними непосредственные, конкретные стилистические точки соприкосновения, несмотря на то, что в общем все эти произведения, включая сюда и ритон, вернее его протому, образуют единый не только хронологический, но и художественный круг. Некоторая застылость рассмотренного козерога и, главное, подчеркнутая схематизация отдельных деталей головы, переданных преимущественно с помощью тонких гравированных линий, не всегда совпадают с данными рассматриваемых произведений, характеризующихся более подчеркнутым членением лица—сочетанием рельефных линий и глубоких врезов, явно выраженной мускулатурой—и других частей головы.

Тем не менее, а может быть как раз в силу этих особенностей, бронзовый ритон из Лувра следует датировать ранним временем, во всяком случае первой половиной V в. до н. э. Остается еще проследить аналогии к ряду деталей ритона. Изображение козерога с сильно изогнутыми рогами, доходящими своими концами до ушей, встречалось еще в Уре[28]. Параллелью ахеменидского времени с подобной трактовкой рогов является серебряная протома льва с рогами козерога[29]. Стилизованная передача мышц на плечах козерога в виде узора, условно называемого «груша и яблоко», имеет свою предысторию в ассирийском и урартском искусстве и окончательно выкристаллизовывается на памятниках ахе-

---

[26] E. Schmidt, Persepolis, I, табл. 187; R. Ghirshman, указ. соч., рис. 244, 245 (козы).

[27] O. M. Dalton, указ. соч., табл. V, 10; X, 24; XVIII, 135; XX, 136, 137; R. Ghirshman, указ. соч., рис. 304, 305, 308; Н. Я. Смирнов, Восточное серебро, Пб., 1909, табл. IV; P. Amandry, Toreutique, табл. 23–29, его же, Orfèvrerie, табл. 10, 12, 18; 12, 26–31; D. Stronach, Excavations at Pasargadae, Iran, III, 1965, табл. X, a—c, X и список на стр. 37; H. Bossert, Altanatolien, 1942, табл. 320, № 1217; D. Wiseman, W. Forman, Götter und Menschen in Rollsiegel Westasiens, Prague, 1958, табл. 104, 106; E. Schmidt, Persepolis, II, табл. 8, № 25; L. Legrain, указ. соч., табл. 39–42; H. Kantor, Achaemenid Jewellry, рис. 4, 5C; 7000 ans d'art en Iran, Paris, 1961, табл. L.; Tresors de l'ancien Iran, Geneve, 1966, табл. 48, 55, 56, 65; S. P. A., т. IV, табл. 111, т. I, стр. 355.

[28] G. Contenau, указ. соч., стр. 1448.

[29] P. Amandry, Toreutique, табл. 21, 4, 5; K. Tuchelt, указ. соч., стр. 85.

менидского времени[30]. Что касается рога-кубка с гладкими стенками, то параллели могут завести нас как в более ранние, так и в более поздние времена, не говоря уже об имеющихся синхронных примерах[31].

Происходящий из Армении третий по счету ритон, серебряный, хранится в Луврском музее под № АО 3093 (высота 20 см)[32]. Несколько изогнутый высокий кубок, покрытый многочисленными горизонтальными, узкими канелюрами, заканчивается прикрепленной к ней протомой лани с подогнутыми передними ногами.

Поврежденные остатки серебряной сходной протомы лани имеются в музее Фоггарт и датируются ахеменидским временем[33].

Изображение лани занимает сравнительно скромное место в иконографическом репертуаре ахеменидского искусства[34], хотя, как это видно было на примере многочисленных аналогий предшествующего ритона, животные из семейства коз представлены в произведениях этого искусства в изобилии.

Следует вкратце остановиться на стилистических особенностях протомы, указывающих, по-видимому, на более позднюю дату ритона. Орнамент, передающий шерсть, очень схематизованный на ранних предметах (ритон из Семибратного кургана, амфора из Дуванли), постепенно теряет свою застылость (амфора-ритон из Понта) и приобретает более свободные очертания, как это видно на примере рассматриваемого ритона. Голова изображена сравнительно гладкими поверхностями без особенно подчеркнутых, рельефных деталей (брови, разные складки, воротничок), переданных здесь при помощи насечек.

На более позднюю дату ритона может указать ряд ов, идущих вдоль верхней части кубка, встречающихся, например, на ювелирных изделиях и керамике юга России начиная с конца V в.[35] Концом V в. или, вернее, первой половиной IV в. до н. э. следует датировать данный

---

[30] A. Parrot, Assur, рис. 53, 64, 96, 141; Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, рис. 40, табл. XXIV, XXV; A. Godard, указ. соч., табл. 47, 67; R. Ghirshman, указ. соч., рис. 193. См. также С. И. Руденко, Искусство Алтая и Передней Азии, М., 1964, стр. 52—53.

[31] Для ранних образцов II тысячелетия и первой половины I тысячелетия см. B. Swoboda, указ. соч., рис. 12, табл. VA, L. Vanden Berghe, Archéologie de l'Iran ancien, Leiden, 1959, рис. 159a Иран, табл. II, 1 настоящей работы—Урарту; B. Swoboda, указ. соч., табл. VIA—Малая Азия и т. д. Для поздних образцов R. Ghirshman, Le rhyton en Iran (Notes iraniennes XI), Artibus Asiae, XXV, I, 1962, рис. 22—Иран. Для ритонов ахеменидского времени с гладкими стенками; R. Ghirshman, указ. соч., рис. 26—Иран; B. Swoboda, указ. соч., табл. VII—Каппадокия).

[32] G. Migeon, указ. соч., стр. 17—18; G. Contenau, указ. соч., стр. 1419; P. Amandry, Toreutique, табл. 29. 3, 4; A. Godard, указ. соч., табл. 79.

[33] G. Hanfman. Acquisitions of the Fogg art museum. American Journal of Archaeology, 1954, v. 58, № 3, табл. 58, рис. 6, 7; P. Amandry, Toreutique, стр. 52, прим. 108.

[34] O. M. Dalton, указ. соч., табл. VI, 11.

[35] P. Amandry, Toreutique, стр. 52.

ритон, предшествующий, вероятно, по времени серебряным ручкам в виде крылатых козерогов, о которых речь пойдет ниже[36].

Наши знания о знакомстве урартов с ритоновидными сосудами до недавнего времени ограничивались данными письменных источников.

Как известно, в надписях Саргона II о походе 714 г. на Урарту имеются любопытные сведения о захваченной в Мусасире добыче. Перечень найденных здесь предметов раскрывает интересную картину материальной культуры Урарту и сопредельных стран. В числе обнаруженных Саргоном в Мусасире разнообразных сосудов упоминаются «два рога больших туров с оправой, обведенной золотыми кругами»[37]. Наличие ритоновидного сосуда в виде натурального рога в металлической обкладке, датируемого, как это явствует из самой надписи, VIII в. до н. э., имеет немаловажное значение для истории развития ритоновидных сосудов на Армянском нагорье и тем более для изучения их истоков.

В этой связи большой интерес представляют сведения И. А. Орбели о виденных им в Ване металлических ритонах, относительно происхождения которых, однако, нет полной уверенности—являлись ли они урартскими или ахеменидскими[38].

Во время раскопок одного из царских курганов VIII в. до н. э. в Гордионе, древней столице Фригии, в склепе был найден бронзовый удлиненный сосуд в виде ведерка, дно которого имело форму головы льва с раскрытой пастью. У края сосуда имелись металлические украшения в виде стилизованных крылатых существ, к которым были прикреплены ручки. Ряд исследователей считает данный сосуд урартским[39].

Большую научную ценность представляет находка глиняного ритона на Арин-берде (1962 г.), цитадели урартского города Эребуни (хранится в Государственном Историческом музее Армении). Это краснолощеный и роговидный сосуд с постепенно расширяющимся прямым кубком и несколько отогнутым венчиком, завершающимся в нижней передней части стилизованной головой и шеей птицы (высота 16 см) (табл. II, 1). Наличие в Урарту третьей разновидности ритона—сосуда в виде рога с протомой, в данном случае птицы, имеет значение не только для характеристики урартской материальной культуры, но и для выяснения

---

[36] P. Amandry, Toreutique, стр. 52; K. Tuchelt, указ. соч., стр. 85; A. Godard, указ. соч., стр. 168, датирует ритон IV–III вв. до н. э.

[37] См. Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, стр. 84. Ср. английский перевод этого же труда; B. B. Piotrovski, Urartu, The Kingdom of Van and its art, London, 1967, стр. 9.

[38] Г. А. Тирацян, Опыт периодизации истории материальной культуры древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.), «Известия АН Арм. ССР» (обществ. науки), 1957, № 2, стр. 80.

[39] R. Joung, The Gordion campaign of 1957. American Journal of Archaeologie, т. 62, № 2; R. Ghirshman, указ. соч., рис. 12, стр. 76. По мнению Б. Б. Пиотровского, стилистически эти ведерки скорее напоминают ассирийские изделия (см. „Искусство Урарту", стр. 62).

ее роли в развитии послеурартской торевтики и керамики на Армянском нагорье.

Приведенные выше данные, нам кажется, не оставляют сомнения в том, что урарты были знакомы с ритоном как с четко выработанной формой материальной культуры. Вместе с тем имеющиеся данные не позволяют больше пренебрегать урартским материалом при рассмотрении вопросов происхождения и бытования найденных на территории Армении ритонов ахеменидского времени.

Под этим углом зрения особенно интересным кажутся подмеченные связи, в том числе и стилистические, между ритонами, происходящими из Армении, и памятниками урартского искусства. При изучении первых двух ритонов уже были отмечены параллели, имеющие, однако, общий характер между некоторыми деталями на ритонах Армении ахеменидского времени и урартских предметах. Такие же связи наблюдаются, например, между некоторыми узорами (пальметка) на амфоре-ритоне из Понта (Синопа), найденном, однако, как сейчас выясняется, в Каппадокии (Ачем-уюк), и целым кругом урартских памятников[40].

Особенно меткими нам кажутся наблюдения относительно стилистически сходных черт, роднящих козерог ритона, хранящегося в Лувре, с некоторыми урартскими статуэтками[41].

Более обобщенная моделировка головы козерога с гладкой поверхностью, оживленная тонкими изящными врезами, возможно, отражает традиции урартского искусства, для некоторых разделов которого характерны широкие, мягкие, округлые плоскости в сочетании с гравированными деталями[42].

Приведенные Б. Свободой в качестве параллели украшения котлов, представляющих женские головы, следует принимать с оговоркой в свете высказанных Г. Ф. Херманом сомнений об их урартском происхождении[43].

На стенах вдоль лестниц, ведущих к восточным и северным входам ападаны Ксеркса в Персеполе, изображены представители стран ахеменидской империи, преподносящие царю царей дары к новому году, весной, в день равноденствия[44]. Армяне несут в качестве подарка коня и амфоровидный сосуд, все детали которого, в том числе и зооморфные

---

[40] P. Amandry, Toreutique, стр. 49; K. Tuchelt, указ. соч., стр. 85.

[41] B. Swoboda, указ. соч., стр. 48.

[42] См. P., Amandry, Chaudrons a protomes de taureau en Orient et en Grece. The Aegean and Near East. Studies pesented to H. Goldman. New York, 1956; Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, рис. 28—30; H. V. Herrman, Urartu und Griechenland. Jahrbuch des Deutschen Archaologischen Institut, т. 81, 1966, стр. 112.

[43] H. V. Herrman, Die Kessel der Orientalisierenden Zeit. Berlin, 1966 (Olympische Forschungen), стр. 59—67.

[44] G. Walser, Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis, Berlin. 1966 (Teheraner Forschungen, Bd2).

ручки, переданы с поразительной точностью и являются прекрасным образцом торевтики ахеменидского времени (табл. I, 2)[45].

Рассматриваемой формы сосуды имели широкое распространение главным образом в ахеменидское время. Следует прежде всего учесть точные аналогии на тех же рельефах из Персеполя (см. изображения представителей Мидии и Сирии)[46], а также однотипные металлические сосуды того же времени, происходящие из случайных находок или раскопок[47].

Нам известны также керамические сосуды, повторяющие формы металлических образцов с территории Малой Азии, Азербайджана и Армении. Все они датируются V—IV вв. до н. э.[48]

Рассматривая вопрос о генезисе этой группы сосудов чрезвычайно выработанной формы, П. Амандри указывает в основном на ассирийские образцы, действительно имеющие сходные очертания. Остальные же детали он возводит к переднеазиатским, главным образом иранским прототипам[49], к которым можно было добавить ряд примеров из Тепе-Сиалка и Луристана[50].

Однако нам кажется, что при рассмотрении вопроса о происхождении этой формы следует учесть и данные урартской материальной культуры[51]. Краснолощеный прекрасный сосуд с ярко выраженными очертаниями, найденный в урартском здании города Тейшебаини[52], мог бы служить убедительным прототипом для сходных сосудов (табл. II, 2).

В Переднеазиатском музее в Берлине и Луврском музее в Париже хранятся две сходные серебряные ручки в виде крылатого козерога. Берлинская ручка № 8180 (высота 27 см) найдена в Армении[53], луврский экземпляр, находившийся первоначально в собрании графа Тышкевича, найден в Южном Причерноморье в Амисе (табл. I, 3)[54].

Обе ручки принадлежат, по-видимому, одному и тому же сосуду, вероятно, типа амфоровидных, хотя на сосуде они обе были обращены в

---

[45] P. Amandry, Toreutique, табл. 20, 1; G. Walser, указ. соч., табл. 38—39.

[46] E. Schmidt, Persepolis, II, табл. 70, D, E.

[47] P. Amandry, Toreutique, стр. 38—54.

[48] Г. А. Тирацян, Урарту и Армения. «Вестник общественных наук», 1968, № 2, стр. 29.

[49] P. Amandry, Toreutique, стр. 39; K. Tuchelt, указ. соч., стр. 87.

[50] R. Ghirshman, Fouilles de Sialk II, Paris, 1939, табл. IV, 1—2; Persian Art, London, 1931, табл. 14; R. Ghirshman, Perse, рис. 103.

[51] Г. А. Тирацян, Урартская цивилизация и ахеменидский Иран. «Историко-филологический журнал», 1964, № 2, табл. II; его же, Урарту и Армения, стр. 30.

[52] А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и железа. Ереван, 1964, рис. 103.

[53] A. Furtwangler, Erwerbungen der Antiken Sammlungen in Deutschland. Archaologischer Anzeiger, 1892, стр. 113; H. Luschey, Achaemenidisch-persische Toreutik, Archäologischer Anzeiger, 1938, Heft 3—4, стр. 764. SPA, т. IV, табл. 112, A.

[54] W. Fröhner, La collection Tyskiewicz, Chois de Monuments. 1892, табл. 3, SPA, IV, табл. 112B.

одном и том же направлении (козерог на берлинской ручке смотрит вправо, а на парижской влево), что указывает на существование двух сторон для обозрения сосуда- главной и второстепенной[55].

Как мы убедились на примере ритонов, найденных в Армении, животные из семейства коз и главным образом сам козерог являются излюбленным мотивом ахеменидского искусства, перенятым из переднеазиатского культурного мира. Некоторые исследователи склонны усматривать в козероге некого национального животного древнего Ирана.

Известно немало ручек сосудов в виде козерогов[56]. Как показывает стилистический разбор крылатых козерогов, они занимают особое место в ряду сходных им предметов. Как своим обликом, так и деталями козероги примыкают к произведениям ахеменидского искусства- при первом взгляде даже к произведениям V в. до н. э. Трактовка головы, морды характерна для ахеменидского искусства. Стилизация шерсти хорошо укладывается в общем развитии этого мотива на предметах ахеменидского времени. Человеческая маска у основания, долгое время считавшаяся изображением Силена, сейчас признана головой Беса, имеющего широкое хождение в ахеменидском искусстве[57]. Интересно отметить, что это не первый случай обнаружения изображения Беса на территории Армении и сопредельных стран[58].

Тем не менее, уже в первых работах, посвященных изучению рассматриваемых ручек, было обращено внимание на ряд черт, не совместимых с принципом ахеменидского искусства и объясняемых греческим влиянием. Однако не следует преувеличивать значения этих черт, как это делает Фуртвенглер. Некоторые исследователи показали, что в конечном счете свойственные этим статуэткам стилистические черты, нашедшие свое выражение в ряде деталей, отмеченных выше, но главным образом в общей скованности и неподвижности фигур, а также в декоративности, убеждают нас в том, что они не греческие работы и даже не греко-персидские, как понимает этот термин Фуртвенглер[59].

---

[55] P. Amandry, Toreutique, стр. 50, прим. 95. Высказанное в SPA (т. I, стр. 370, прим. 1) сомнение относительно принадлежности ручек одному сосуду не находит подтверждения.

[56] P. Amandry, Toreutique, табл. 23, 1, 3; 24; 25; 26, 1, 3; 27, 1; 28, 5, 6; Trésors de l'ancien Iran, Geneve, 1966, рис. 56; U. Seidl, Ghaflantu, Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archaologie, стр. 345, K. J. L. Huot, указ. соч., табл. 140; O. M. Dalton, указ. соч., стр. 10 (SPA, т. IV, табл. III, A); Я. И. Смирнов, Восточное серебро, Пб., 1909, табл. V, 18.

[57] P. Amandry, там же, стр. 50.

[58] Г. А. Тирацян, Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. «Советская археология», 1964, № 3, стр. 71. Фигурка из пасты, изображающая Беса, была найдена на Арин-берде и, по мнению Б. Б. Пиотровского, может относиться к послеурартскому, ахеменидскому времени.

[59] P. Amandry, там же; H. Luschey, Achaemenidisch-persische Toreutik, Archaologischer Anzeiger, т. 53, № 3, 4, 1938, стр. 768—769; S. Casson, Achaemenid sculpture, SPA, I, стр. 354, 364, 370; B. Swoboda, указ. соч., стр. 47—48.

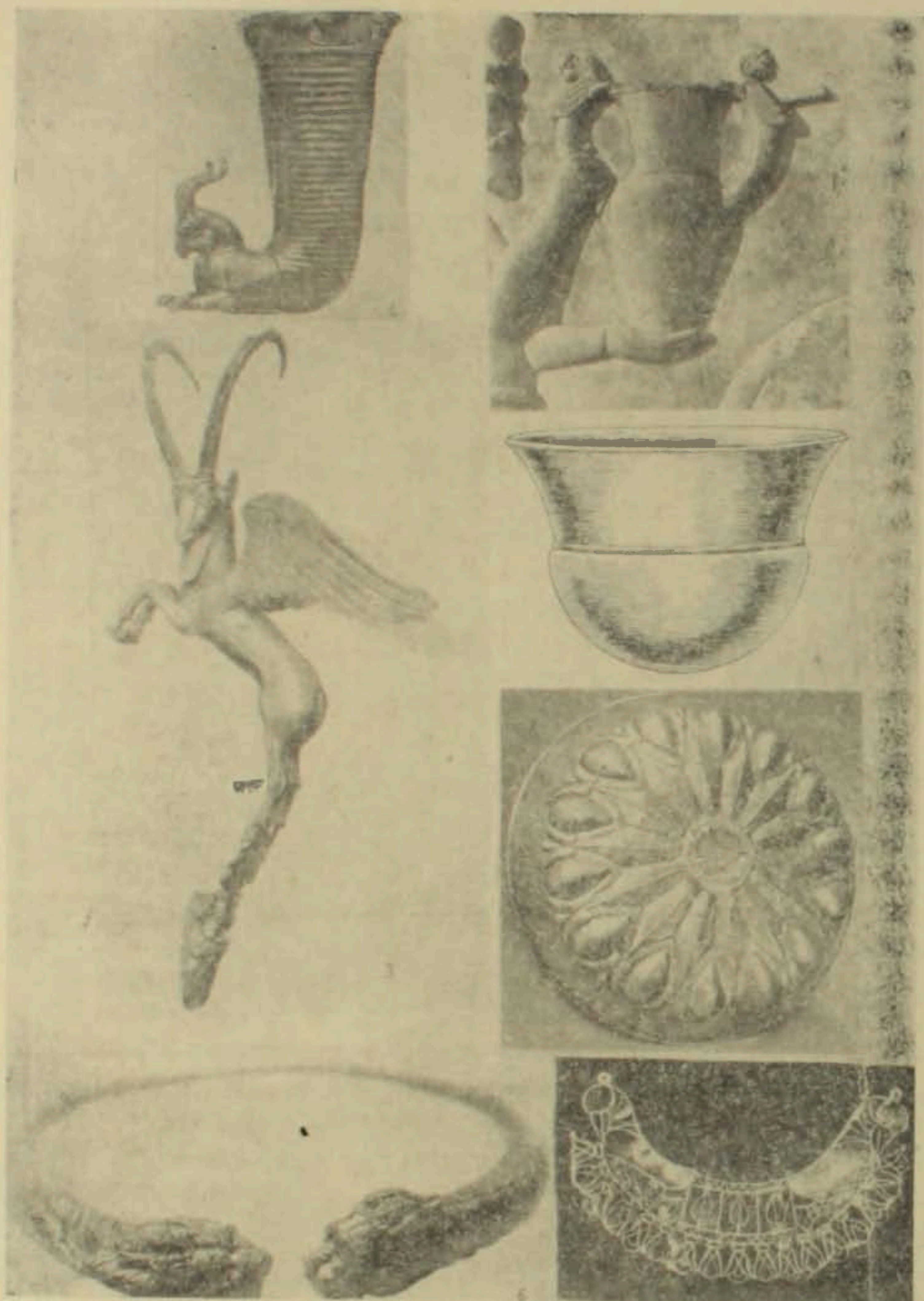

Таблица I (Армения, VI—IV вв. до н. э.)

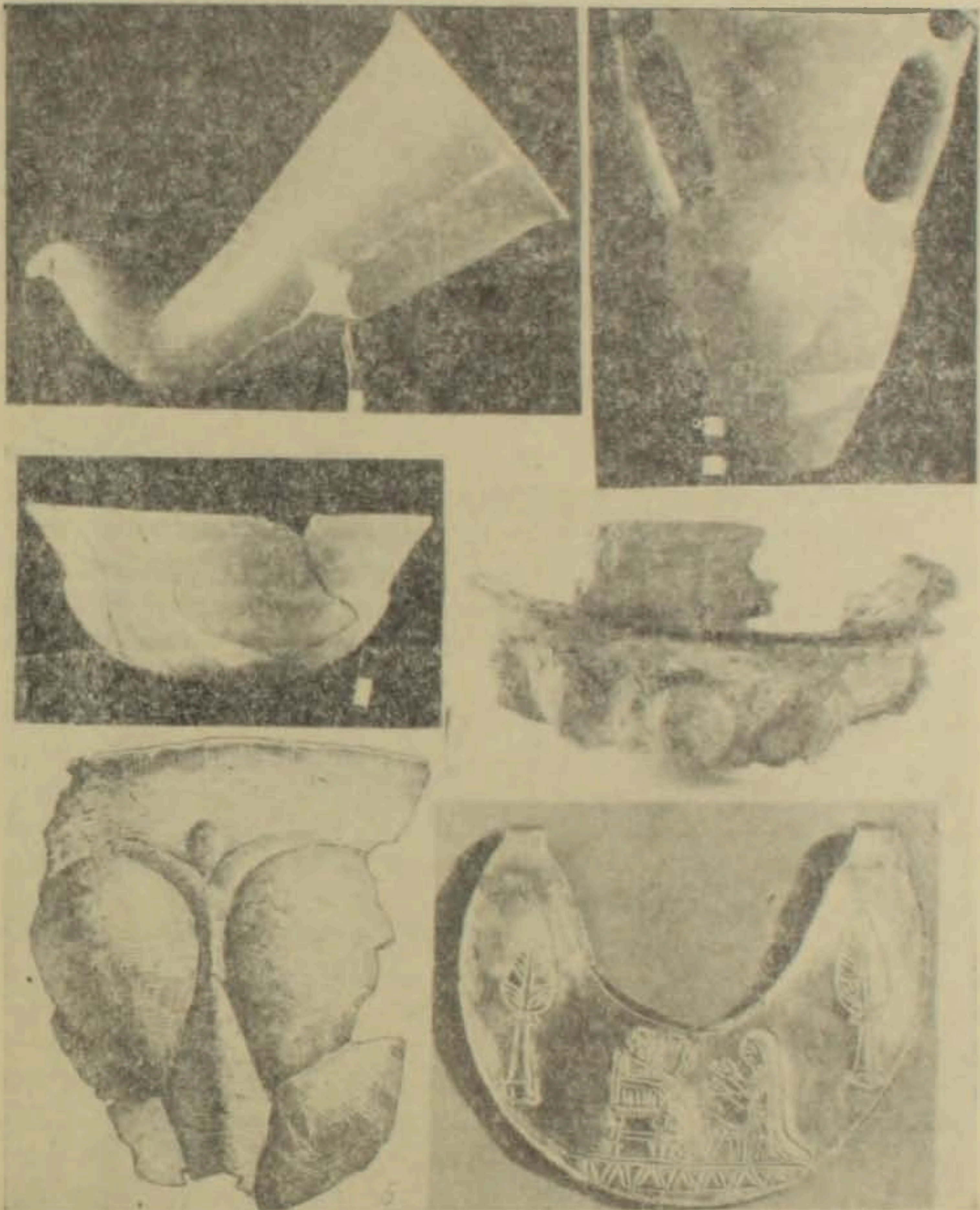

Таблица II (Урарту, VIII—VII вв. до н. э.)

С другой стороны, согласившись с наличием новаторских веяний в трактовке статуэток, объяснявшей разницу степени стилизации шерсти от более ранних образцов (амфора из Дуванли, ритон из Семибратного кургана, амфора-ритон из Синопы) и нашедшей свое выражение в некотором стремлении к моделировке тела, а также учитывая новую схему передачи передних ног, те же исследователи пришли к выводу о более поздней дате рассматриваемых ручек, а именно—первая половина IV в., может быть, середина этого же столетия[60].

Форма крыльев, отдаленная от ранних образцов и напоминающая крылья птиц на памятниках IV в. до н. э.[61], а также изображение Беса, сходное с головой Беса на печати из Ура IV в. до н. э.[62], подтверждают датировку IV веком. Не исключено, что перед нами произведения, относимые к кругу греко-персидских работ, но в том новом понимании этого термина, который в него вложили М. И. Максимова, А. Сейриг и совсем недавно Н. Никулина[63] и согласно которому они изготовлены местными или иранскими мастерами Малой Азии, работавшими в традициях иранского и малоазийского искусства, но испытавшими некоторую долю греческого влияния.

Три серебряных кубка, найденных в Армении, хранятся в Британском музее (диаметр 4,26 см) (табл. I, 4)[64]. Они имеют полусферическую нижнюю часть, переходящую в высокие, косые края, завершенные отогнутым наружу венчиком. Эта широко распространенная в ахеменидское и отчасти в раннеэллинистическое время форма с характерным перехватом представлена многочисленными примерами в глине, металле, а также на рельефах Персеполя.

Совсем близкие по форме экземпляры, а также их разновидности встречаются, как в Армении и Закавказье (Джрарат, Цамакаберд, Кармир-блур (город), Ахтала, Гарни, Армавир, Ацаван, Бешташени, Нерон-Дереси, Тетрисцкаро, Даблагоми, Сары-тепе, Мингечаур, Ханлар), в Малой Азии (Гордион), на Балканском полуострове (юг Болгарии), Приуралье (Башкирия), Сирии (Деве-Уюк), на юге России, в Иране и т. д. в ряде случаев в хорошо датируемых комплексах, указывающих на V—IV вв. до н. э. как на основное время их бытования[65].

---

60 P. Amandry. указ. соч., стр. 51.

61 Там же.

62 E. Porada, Alt-Iran. Baden-Baden, 1962, стр. 166.

63 Н. М. Никулина. Малоазийская глиптика второй половины V—IV вв. до н. э. и проблема «восточногреческого» и «греко-персидского» искусства. (Автореферат кандидатской диссертации), М., 1966

64 O. M. Dalton, указ. соч., рис. 72, стр. 44–47.

65 Г. А. Тирацян, Урарту и Армения, стр. 18; а также А. Бочохадзе, Раннеантичные погребения в окрестностях Тетрицкаро. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», III, 1963; А. А. Иессен, Ранние связи Приуралья с Ираном. «Советская археология», XVI, 1952, рис. 5; 2, 3; B. Filow, Die Grabhügelnekropole bei Duwanly, Sofia, 1934, рис. 110; его же, Denkmaler der thrakischen Kunst, Mitteilungen des Deutschen Archaologischen Instituts, Römische Abteilung, т. XXXII, 1917, рис. 53, 54; O. M. Dalton, указ. соч., стр. 45; R. W. Hamilton, A silver bowl in the Ashmolean Museum, Iraq, XXVIII, 1966, z. I, рис. 6b.

Привлечение урартского материала, особенно много накопившегося за последние годы, может с наглядностью показать урартские, а может быть, и более древние на Армянском нагорье истоки этой ведущей для материальной культуры Армении и Закавказья формы (см. материалы из Кармир-блура, Арин-берда, Нор-Армавира, Армавира из территории города Еревана, в частности табл. II, 3[66]).

Нет никакого сомнения, что все эти типологически однородные формы, выработанные в урартской керамике и торевтике безусловно в тесном взаимодействии с материальной культурой Ассирии[67], имеют решающее значение при изучении истоков форм найденных на территории Армении кубков.

Серебряная цилиндрическая коробка с плоским дном и плоской круглой крышкой, найденная около Ерзнкяна, хранится в Британском музее (диаметр сосуда 12,7 см)[68].

Стены коробки украшены горизонтальными канелюрами. Крышка отодвигается благодаря вертикальному стержню, который проходит сквозь края крышки через внутреннюю часть коробки, опираясь о дно. На лицевой стороне крышки имеются остатки какого-то орнамента, на оборотной стороне гравированы две стоящие фигуры: мужчина и женщина[69].

Горизонтальные канелюры на рассматриваемой коробке являются, как мы уже сумели убедиться в этом, одним из излюбленных приемов торевтики ахеменидского времени и встречаются также на каменных и стеклянных сосудах[70].

Фигуры стоящих мужчин и женщин часто встречаются в ахеменидском искусстве и фиксируют, как правило, какой-нибудь торжественный момент. Одежда мужчины широко распространена на иранских памятниках[71]. Сходный головной убор также представлен в обилии на монетах малоазийских сатрапов и на резных камнях так называемого «греко-персидского» круга, на золотых пластинках Аму-Дарьинского клада[72]. Сходная фигура женщины встречается на резных камнях «греко-персидского» круга[73]. Лотосовый цветок, изображенный в руках мужчины и женщины, имеющий, по-видимому, символическое и культовое значение[74]

---

66 Г. А. Тирацян, указ соч., стр. 19.

67 M. Mallowan, The treasures of Assurnazirpal II, The Illustrated London News, July, 29, 1950, рис. 7—8; R. Hamilton, указ. соч., рис. 3а.

68 O. M. Dalton, указ. соч., рис. 71, стр. 43—44; H. H. von der Osten, Die Welt der Perser, 1956, табл. 72.

69 O. M. Dalton, указ. соч., рис. 19.

70 R. Ghirsman, указ. соч., рис. 304; A. von Saldern, Glass finds at Gordion, Journal of Glass Studies, 1959, v. I, рис. 15.

71 F. Sarre, Die Kunst des alten Persien, Berlin, 1923, табл. 43; O. M. Dalton, указ. соч., табл. XV, 69; R. Ghirshman, указ. соч., рис. 115.

72 A. Furtwangler, Die antiken Gemmen, Leipzig Berlin, 1900, Bd. I, табл. XI, 1, 2, 8; XII, 11, 13; O. M. Dalton, указ. соч., табл. XIV, 48, 49; XV, 51, 69.

73 A. Furtwangler, указ. соч., табл. XI, 6, 10; XII, 11.

74 P. Junge, Hazarapatis, Klio, 1940, 33 (15), $1/3$, стр. 16.

и встречающийся также ранее на более древних памятниках Передней Азии[75], представлен в обилии в ахеменидское время на персепольских рельефах[76], на произведениях ювелирного искусства[77]. Наконец, изображенные на крышке большие серьги, свисающие с ушей женщины, также характерны для ахеменидского времени[78].

На территории Армении найдены три фиалы из серебра, две орнаментированные, одна гладкая. Последняя и одна из орнаментированных фиал найдены около Ерзнкяна и находятся сейчас в Британском музее[79]. Вторая орнаментированная фиала найдена, вероятно, в погребении около Ерзерума и хранится в Луврском музее (табл. I, 5)[80]. Блюдо с гладкой поверхностью низкое, неглубокое имеет несколько отогнутый край (диаметром 30 см). На его дне остались следы какого-то радиально расположенного узора, происходящего, по-видимому, от орнаментированного блюда, с которым оно вместе лежало.

Орнаментированные блюда (диаметр одного 25,3 см, диаметр второго неизвестен), сходные как по общему профилю, так и по узорам, разнятся только по числу лепестков и выпуклин (17 и 14) и в некоторой мере по ширине лепестков.

Это фиалы обычного типа, кованые, по-видимому, из толстого листа серебра, с вогнутым внутрь омфалом (выступом) в середине ее. Они имеют округлое дно и отогнутые наружу гладкие края. Орнаментальная композиция занимает все пространство блюд от омфала до краев и состоит из трех элементов: из ряда яйцевидных выступов-бутонов ниже гладкого края с острыми концами, обращенными к центру блюда, из розетки, состоящей из листьев или лепестков с продольным ребром, поднимающихся от омфала и заходящих своими острыми концами между выступами, и из трехлепестковых пальметок, вернее цветков, расположенных между каждой парой яйцевидных выступов сверху. Яйцевидные выступы оконтурены неглубокими желобками, обрамленными в свою очередь неширокими рельефными поясками, благодаря чему выступы смыкаются в сплошной пояс. Верхняя половина этих обрамлений входит в схему вышеупомянутого цветка.

Раскопки последних лет на территории Армении выявили также ряд обломков глиняных чаш, украшенных по примеру металлических фиал рельефными орнаментами, подражающими ложковидным выступам. Они

---

75 A. Parrot, Assur, рис. 43, 110. стр. XIII.

76 R. Ghirshman, указ. соч., рис. 215, 255; A. Godard. указ. соч., табл. 58; J. L. Huot, указ. соч., табл. 34, 35.

77 H. Kantor, указ. соч., табл. VIa, рис. 10 C; O. M. Dalton, указ. соч., табл. XIV, XV.

78 Г. А. Тирацян. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э, СА, 1964. № 3. стр. 69 70.

79 O. M. Dalton, указ. соч., стр. 44, табл. XXIII, 180.

80 G. Migeon, указ. соч., стр. 17, 18; P. Amandry, Argenterie d'époque achéménide, Collection Hélène Stathatos, III, Strasbourg, 1963, рис. 157; H. Luschey, указ. соч., стр. 42.

все найдены в Гарни (1965 г.) на прихрамовой площади, в слое, расположенном значительно ниже горизонта, обозначающего уровень античной бани и жилого комплекса III в. н. э. Это обломки сероглиняных чаш с радиально расположенными на дне желобками, фрагмент, украшенный чередующимися выпуклинами и желобками, большой фрагмент чаши с округлым дном, широкими краями и перехватом, внутренняя сторона которого украшена розеткой из эллипсовидных лепестков, прочерченных по сырой глине, ряд обломков с многочисленными узкими желобками на дне изнутри и, наконец, фрагмент чаши, украшенной ниже борта яйцевидными выпуклинами. Этот последний обломок по схеме украшения больше всего приближается к металлическим фиалам, рассмотренным здесь, и поэтому представляет наибольший интерес, хотя нет полной уверенности, имелись ли наряду с выступами лепестки.

Найденные в Армении блюда по особенностям своих орнаментальных мотивов входят в выделенную Г. Лушеем группу древних фиал с противостоящими выступами[81]. Эта большая группа, в свою очередь, делится главным образом по форме листьев на ряд подгрупп, три из которых, особенно тесно связанные между собой, представлены в ахеменидское время[82] около трех десятков экземплярами.

Одна подгруппа, характеризующаяся сравнительно широкими гладкими лепестками, образована находками из Сирии, Кипра, Приуралья, Юга Причерноморья, Грузии, Ирана[83].

К данному списку можно добавить ряд новых образцов: из Персеполя—стекло[84], Кипра—серебро, Синопы—серебро[85] и Приуралья (Юрузань и Зуево)—бронза[86].

Вторая подгруппа характеризуется узкими, не примыкающими друг к другу листьями и представлена в основном находками из Северной Сирии[87] (Деве-уюк, Алеппо, Кархемиш). К этому списку можно добавить стеклянную чашу из Алгети (Грузия)[88] и с некоторыми оговорками стеклянную чашу из Античного отдела Государственного Эрмитажа[89].

Третья подгруппа, в которую входят и рассматриваемые два блюда из Армении, характеризуется остроконечными листьями, имеющими

---

81 H. Luschey, указ. соч., стр. 41—61.

82 К рассмотренным Г. Лушеем фиалам разного типа ахеменидского времени следует прибавить ряд образцов. См. A. Hatimi, указ. соч., стр. 60 (7000 years of Iranian Art. New York, 1965, No 450); J. L. Huot, Iran, I, Genève, 1965, табл. 111. L. Vanden Berghe, указ. соч., табл. 124 C; A. Godard, указ. соч., табл. 77; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, табл. VII; см. также P. Amandry, Argenterie d'époque achéménide, стр. 262, прим. 2.

83 H. Luschey, стр. 41—42.

84 E. Schmidt, Persepolis II, табл. 67, 3.

85 P. Amandry, указ. соч., рис. 156, табл. XXXVII, рис. 157b.

86 A. A. Иессен, Ранние связи Приуралья с Ираном. СА, XVI, 1952, рис. 1, 4.

87 A. Luschey, указ. соч., стр. 42.

88 Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, табл. VIII.

89 «Художественное стекло» (альбом), Л., 1967, № 3.

продольное срединное ребро, и представлена находками из Малой Азии, Египта и Приуралья[90].

Датировка найденных в Армении фиал представляет некоторые трудности, так как обстоятельства находок остаются неизвестными. Так, например, нет полной уверенности, образуют ли предметы, значившиеся из Ерзнкяна, в том числе и одна из орнаментированных фиал, единый комплекс. Тем не менее интересно отметить, что все эти предметы (ритон, коробка, фиалы) могут быть одного периода (V в. до н. э.) с незначительными хронологическими отклонениями. О второй фиале мы знаем, что она найдена в Ерзеруме, в погребении[91], но другие дополнительные данные, могущие пролить свет на вопрос его даты, неизвестны.

Стилистический и типологический анализ, проведенный в свое время, побудил Г. Лушея остановиться на середине V в. до н. э. как на наивероятной дате фиал, найденных в Армении, более ранним образцом для которых является блюдо из Малой Азии (Дюздие)[92], а более поздним—блюда из Прохоровки[93] и Египта[94]. На такую же дату указывает, по мнению Лушея, и сравнение фиал из Армении с так называемыми чашами Артаксеркса, отличающимися несколько своей орнаментальной схемой, но очень близкими по всем остальным признакам. Независимо от имеющейся на них надписи, они датируются серединой V в. до н. э.[95] Не исключена, однако и несколько более поздняя датировка — второй половиной V в. до н. э.—особенно ерзнкянской фиалы, проявляющей много сходных черт с относящимися к IV—III вв., вернее к IV в., изделиями, какими являются блюда из Прохоровки и Северного Причерноморья (собр. Ханенко)[96].

Перечисление всех находок основных типов фиал с противостоящими выпуклинами показывает, что по крайней мере шесть из них были найдены на территории Армении, Грузии и южного Причерноморья. Известно, что на этой же территории были найдены еще многие другие фиалы, но другого типа. Если к этому общему уже внушительному числу фиал добавить значительную концентрацию находок предметов торевтики и ювелирного искусства ахеменидского времени на данной территории, то это обязывает отнестись с большим вниманием к вопросу о местном производстве хотя бы части найденных здесь предметов, в том числе и фиал.

---

[90] A. Luschey, указ соч., стр. 42.

[91] G. Migeon, указ. соч., стр. 17.

[92] E. Herzfeld, Eine Silberschüssel Artaxerxes I, Archaologische Mitteilungen aus Iran. B. VII, 1935, Berlin, табл. IV.

[93] М. Ростовцев, Курганные находки Оренбургской области. «Материалы по археологии России», № 37, табл. 1, 2.

[94] E. Vernier, Bijoux et orfèvrerie, Le Caire, 1927, табл. CVIII, CIX; W. von Bissing. Metallgefasse (Catalogue du Musee du Caire, II), Vienne, 1901, табл. III (Тмуис-Мендес); A. Hasting. A silver bottle of the ptolemaic period. Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, t. XXXIII, № 9, 1938, рис. 1 (Дельта Нила).

[95] H. Luschey, указ. соч., стр. 51.

[96] A. A. Иессен, указ. соч., стр. 218.

Истоки рассмотренных фиал Лушей видит в ассирийских типах[97]. Находки в кладовых Ассура указывают на основные этапы развития чаш с противостоящими выступами[98]. Однако известные нам по раскопкам урартские фиалы как металлические, так и глиняные, особенно богатая коллекция бронзовых фиал из Кармир-блура, выявляют такое разнообразие орнаментальных узоров, что точка зрения на Ассирию как на единственный центр, вырабатывающий формы, типы фиал и производящий их, подлежит пересмотру.

Интересно отметить, что параллельно с металлическими фиалами урарты изготовляли и глиняную сходную посуду. Благодаря раскопкам Арин-берда и Армавира имеется интересная коллекция глиняных чаш, вернее их обломков, украшенных разными узорами, в том числе и выпуклыми. Среди них особое значение имеют несколько экземпляров, близких к фиалам с противостоящими выступами[99]. Тем не менее для рассматриваемого вопроса главный интерес представляют урартские металлические образцы.

На Кармир-блуре в 1946 и 1956 годах были найдены чаша и блюдо типа фиал с противостоящими выступами и радиально расположенными листьями[100]; чаша—с гладкими листьями, блюдо—с листьями, имеющими срединное ребро (хранятся в Историческом музее Армении) (табл. II, 4—5). Эти находки, как нам кажется, имеют большое значение для выяснения вопроса об истоках основных типов фиал, встречающихся в ахеменидское время на территории Армении и сопредельных стран. И в самом деле, если найденные в Ерзнкяне и Ерзеруме фиалы по своему типу восходят к кармир-блурскому блюду, то ахалгорийская фиала с противостоящими выступами и гладкими листьями примыкает к найденной на Кармир-блуре чаше, что подтверждает высказанное в свое время Г. Лушеем предположение о связях ахалгорийских вещей с металлургическими центрами Армянского нагорья[101].

Золотая гривна, украшенная на концах головами рогатых львов, была обнаружена в Хасан-Кале около Ерзерума (табл. I, 6)[102]. Несмотря на свои типологические связи с ахеменидским искусством, стилистически гривна входит, вероятнее всего, в сферу предметов раннеэллинистического времени (IV—III вв. до н. э.). Золотая пектораль месяцевидной формы была найдена при раскопках Армавирского холма (табл. I, 7)[103].

---

97 H. Luschey, указ. соч., стр. 45 и сл.

98 Там же, 13—17.

99 Г. А. Тирацян, Урартская цивилизация и ахеменидский Иран. ИФЖ, 1964, № 4, стр. 160; С. И. Ходжаш, Керамика Эребуни. «Сообщения Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина», IV, М., 1968, стр. 136, табл. I, 2.

100 Г. А. Тирацян, указ. соч., стр. 161.

101 H. Luschey, указ. соч., стр. 51.

102 С. В. Тер-Аветисян, Курганы Хасан-Калы. «Известия Кавказского историко-археологического института», т. IV, Тбилиси, 1926, табл. II.

103 Г. А. Тирацян, Золотая пектораль из Армавира (Армения). СА, 1968, № 4, стр. 190—198.

Хотя сходные по форме предметы известны и в Урарту (табл. II, 6), армавирская пектораль относится к кругу изделий ахеменидской эпохи. Изображение ахеменидской пекторали имеется на рельефе из Тегеранского музея, фотографию которой нам любезно предоставил профессор Р. М. Гиршман (Франция). Анализ золота армавирской пекторали перекликается с данными о золоте Зодских рудников (район озера Севан), что тоже может свидетельствовать о местном происхождении пекторали.

Если после рассмотрения всех предметов данной коллекции попытаться подвести некоторые итоги, то станет ясным, что эта коллекция в целом отражает признаки искусства ахеменидского времени.

Изображения животных (на ритонах, амфоровидных сосудах, гривне) и птиц (на пекторали) хорошо вяжутся с характерным для искусства ахеменидов предпочтением так называемому звериному стилю, воспринимаемому в самом широком его смысле.

Поперечные стволу канелюры на кубках ритонов, гофрированные рога грифона и львов, широкое применение позолоты, а также инкрустации при помощи цветных камней как будто идут навстречу другому принципу искусства ахеменидского времени—декоративности.

Наконец, непосредственная стилистическая связь, а порой и тождество между предметами прикладного искусства и памятниками монументального искусства, наблюдаемые на примере ряда вещей данной коллекции, также являются характерными чертами именно для ахеменидского искусства.

Вместе с тем в результате все более интенсивного изучения урартской культуры создалась возможность для более разностороннего подхода к найденным на территории Армении предметам торевтики и ювелирного искусства ахеменидского времени.

В процессе изучения мы воочию убедились в необходимости и правомерности привлечения урартского материала, проливающего новый свет на ряд вопросов, связанных с изучением данной коллекции. Типологические соответствия между отдельными урартскими предметами и вещами, найденными на территории Армении и датируемыми ахеменидским временем, более того, наметившиеся стилистические точки соприкосновения недвусмысленно указывают на наличие прямых связей между некоторыми отраслями урартской и армянской металлургии. Существование необходимой сырьевой базы на территории Армянского нагорья, находки, ставшие предметом настоящего исследования, данные персепольских рельефов позволяют предположить, что в Армении ахеменидского времени имелись стоящие на высоком уровне торевтические мастерские. Г. Лушей находит даже возможным локализовать эти мастерские в районе Ерзерума и Ерзнкяна, где особенно накапливаются находки. С другой стороны, в свете засвидетельствованных связей с урартскими изделиями можно усмотреть в этих мастерских древние, урартские производственные центры, продолжавшие свою деятельность

в послеурартское время[104]. Не исключена возможность, что такие мастерские существовали именно в одном из кварталов еще не раскопанного урартского города, расположенного, по-видимому, у подножья мощной цитадели Аргишти II и его наследников на холме Алтын-Тепе около Ерзнкяна.

Дальнейшие находки урартских металлических изделий, рисующих картину всесторонне развитого металлургического производства в Урартском государстве, помогут выявить его подлинную роль в организации производства торевтики и ювелирных изделий Армении ахеменидского времени.

Вместе с тем разительное сходство изготовленных в местных мастерских предметов с предметами, производимыми в других, расположенных на большом расстоянии друг от друга мастерских ахеменидского государства, можно объяснить условиями стандартизации и унификации стиля, происшедшими в ахеменидской империи[105]. Славившиеся некогда своей деятельностью древние центры в значительной мере могли приспосабливаться к общим нормам и выработанным в столицах империи вкусам.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԱՔԵՄԵՆՅԱՆ ԺԱՄԱՆԱԿԱՇՐՋԱՆԻ ԳԵՂԱՐՎԵՍՏԱԿԱՆ ՄԵՏԱՂԱԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՈՍԿԵՐՉՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋԸ

Գ. Ա. ՏԻՐԱՑՅԱՆ

(Ամփոփում)

XIX դարի երկրորդ կեսի ընթացքում և XX դարում Հայաստանի տերիտորիայում, հատկապես նրա արևմտյան մասերում, հայտնի են դարձել սպասք և զարդի առարկաներ՝ ոսկյա, արծաթյա և բրոնզյա, եղջերազավթներ (ռիտոն), ուռուցիկ զարդերով թասեր (ֆիալա), սամֆորաձև անոթների կենդանակերպ կանթեր, ապարանջաններ, մանյակ, մահիկաձև կրծքազարդ (պեկտորալ) և այլն: Այս հավաքածուի ուսումնասիրման ընթացքում հնարավոր եղավ մատնանշել մի շարք ակնհայտ զուգահեռներ իրանական նյութական մշակույթի և արվեստի շրջանակների մեջ ընդգրկվող նյութերի հետ (Պերսեպոլիս, Սուզա, կիրառական արվեստի նմուշներ):

Ուսումնասիրման ընթացքում օգտագործված են ուրարտական մշակույթի բազմաթիվ նյութերը: Ուրարտական նյութերի և հոդվածում քննության առնված հավաքածուի առանձին առարկաների համադրությունները երևան են

---

104 См. H. Luschey, Achamenidisch-persische Toreutik, Archäologischer Anzeiger, 1938, H. 3—4, стр. 761, его же, Die Phiale, Bleicherode am Harz, 1938, стр. 51, 56, 57, 73, 81, 83, 93, 146; P. Amandry, Orfèvrerie achéménide, Antike Kunst, 1, 1958, № 1, стр. 18; его же, Toreutique achéménide, Antike Kunst, 2, 1959, № 2, стр. 54; K. Tuchelt, Tiergefässe in Kopf und Protomengestalt, Berlin, 1962, стр. 62.

105 P. Amandry, L'art achéménide-Mélanges offerts à K. Michalowski, Warszawa, 1966, стр. 233—218; его же, Orfèvre grecs à la cour du Grand Roi (Le rayonnement des civilisations grecques et romaines), Paris, 1965, стр. 581—587; H. Kantor, указ. соч., стр. 21.

րերել մի շարք ակնհայտ ընդհանրություններ և նույնիսկ ոճական որոշ առընչություններ, որոնք վկայում են ուրարտական մշակույթի ազդեցության մասին։

Անհրաժեշտ հանքանյութի գոյությունը Հայկական լեռնաշխարհում, գեղարվեստական մետաղագործության և ոսկերչական արտադրանքի բազմաթիվ գյուտերը, Պերսեպոլիսի բարձրաքանդակների տվյալները վկայում են, որ Հայաստանում աքեմենյան ժամանակաշրջանում կային բարձր մակարդակի վրա կանգնած մետաղագործական արհեստանոցներ։ Որոշ ուսումնասիրողներ հնարավոր էին համարում այդ արհեստանոցները տեղադրել Էրզրումի և Երզնկայի շրջանում, որը առանձնապես հարուստ է մետաղյա բարձրարժեք առարկաների գյուտերով։ Ի դեմս նույն արհեստանոցների կարելի է տեսնել ուրարտական արդյունագործական կենտրոններ, որոնք հավանաբար շարունակել են իրենց գործունեությունը նաև հետուրարտական ժամանակաշրջանում։